

В. В. Савельев
(*Санкт-Петербург*)

«А КАКОЙ ОНОЙ БЫТЬ, СООБЩАЕТСЯ ПРИ СЕМЬ»:
О ЗАКАЗЕ В ПРОЦЕДУРЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГЕРБОВЫХ ПЕЧАТЕЙ
НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

В XVIII веке, в эпоху бурного самобытного герботворчества, личная печать была, по всей видимости, наиболее распространенным и физически стабильным носителем геральдической информации. Взрослый социализированный представитель благородного сословия мог не иметь геральдического сервиза или панно на фасаде дома. Он почти наверняка не имел государственного диплома на обладание гербом (такие дипломы были пока что единичны). Но он точно обладал печатью, поскольку она была необходима ему в быту. Нравы эпохи исключали возможность послать что-либо в незапечатанном виде: вспомним сцену из комедии Гольдони, где слуги из любопытства вскрывают господское письмо. На печати, раз уж она была, следовало что-то изобразить. Зафиксированная на ней эмблематическая композиция приобретала значение иконографического источника, который начинал жить собственной жизнью и уже во времена «Общего гербовника» мог быть подан в Герольдию для официального утверждения.

Каждый, кому приходилось сталкиваться с изучением печатей, имеет свой набор эмпирических наблюдений о всякого рода отступлениях от канона – несовпадениях деталей, неправильном указании цветов. Курьезные композиции, которые иногда встречаются на гербовых печатях, свидетельствуют, что сам алгоритм их составления заведомо содержал в себе возможность ошибки мастера. А в силу того особого значения, которое имела печать как носитель геральдической информации, значение этой ошибки могло выйти за рамки единичного казуса, оказаться более глубоким и затронуть уже сам генезис конкретного герба.

Процесс изготовления печатей крайне бедно отражен в источниках эпохи, опираться приходится в основном на отдельные архивные находки. На этом фоне примечателен комплекс документов, отложившихся в фонде Императорской Академии художеств в Российском государственном историческом архиве. Появление этих архивных дел связано с тем, что к Академии обращались с заказами присутственные места, нуждавшиеся в печатях. Так возникла группа дел, с помощью которой мы можем сделать некоторые наблюдения об организации данного производства.

Дела охватывают период с 1765 по 1817 год. Основной массив составляют документы последней четверти XVIII века – времени, когда усложнялась модель управления страной, росла бюрократическая культура, а попутно все более четко регламентировалась практика использования казенной печати. В кругу заказчиков Академии

художеств, например, командир Нарвского карабинерного полка, Сухопутный шляхетный кадетский корпус, военные власти Новгорода и Выборга, наместнические правления в Петербурге и Олонце, портовое начальство в Кронштадте. Все дела посвящены только изготовлению печатей с государственным гербом или гербами городов. Однако тем самым документированной оказывается сама механика взаимодействия заказчика с изготовителем.

Несомненно, специфика и само содержание таких заказов несколько отличаются от частных. Поскольку переписка ведется между казенными «местами», то есть подчиняется законам бюрократической, а не производственной логики, составители большинства просьб с большой обстоятельностью излагают мотивы своего обращения в Академию. Тут как сутобо технические (изменение названия или подчиненности учреждения, обветшание старой печати, появление новых присутственных мест, которым нужна печать), так и собственно геральдические сюжеты, связанные с массовым внедрением в административную практику и сфрагистику земельных и городских гербов. Однако на фоне подробного описания этих обстоятельств сами параметры искомой печати неизменно излагаются с крайней лапидарностью, а исполнителю явочным порядком делегируется решение большинства второстепенных вопросов облика будущего изделия. Четко артикулируется только материал исполнения (это всегда сталь). Текстовая часть композиции в ряде случаев, видимо, излагалась на приложенных к прошениям эскизах. Если таких эскизов не было, исполнителю приходилось самостоятельно вычленять содержание надписи из сопроводительного письма. Доля произвола мастера могла быть довольно существенной. Например, при заказе печати «с следующею в окружности надписью: печать конторы главного командира кронштадтского порта по части строения адмиралтейства и каменной гавани», проситель не предложил исполнителю некую устойчивую аббревиатуру, а оставил на его усмотрение возможные сокращения длинного текста – «ис коиx речей для способнейшего помещения могут некоторые литеры быть уничтожены»¹.

К числу параметров, которые изготовителю по факту приходилось определять самостоятельно, относятся размер и форма матрицы – притом что единых, четко прописанных их стандартов для казенной печати пока не существовало. Исключениями на фоне полного молчания клиентов по этому вопросу стали два относительно более конкретизированных заказа из Кронштадта. В 1797 году Контора главного командира порта просила сделать для нее «печать посредственной величины»². В 1803 году непосредственно на листе прошения Экспедиции для поправления порта была начерчена фигура, обозначающая необходимый размер печати, сделать которую следовало «по означенной при сем овальной фигуре такой величины»³.

Главной и самой ответственной частью задания было, безусловно, воспроизводство рисунка герба. Когда следовало изобразить государственный герб, клиент мог счесть задачу очевидной и образец излишним, и просто констатировал в сопроводительном письме: «Печать со всероссийским гербом»⁴, «со изображением на оной обыкновенного всероссийского герба»⁵. Фигура двуглавого орла была сравнительно простым сюжетом, как можно понять, еще и потому, что не предполагала передачи цветов шраффировкой, неизбежной в работе с городскими и частными гербами.

В случаях не столь всенародно известных, как государственный герб, мастер отсылался к прилагаемому образцу. Таковыми на равных правах оказывались, с одной стороны,

Ил. 1. Клепиков А. А. Эскиз печати с гербом князей Урусовых.
Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 5. Д. 33. Л. 9в

специально разработанный эскиз и, с другой, некие иные геральдические изображения. Они не всегда называются в документах отчетливо: «сделать по приложенному у сего гербу»⁶ (печать Нарвского карабинерного полка, 1765), «сходно против приложенного при сем образца»⁷ (печать Новгородской комендантской канцелярии, 1780). Однако общий контекст, аналогии и имеющееся более конкретное свидетельство в этом же комплексе документов позволяют сделать вывод, что речь идет о сургучных оттисках. В обращении в Академию Олонецкого наместнического правления в 1792 году прямо говорится: «Печать сделать новую, с каким же она должна быть гербом и надписью, тому приложить и прилагается у сего образец, выпечатанный на сургуче»⁸.

Эскиз был наиболее удобной формой передачи информации, транслировал композицию в законченном виде, ясном для мастера, что в наибольшей степени снижало значение фактора произвольного выбора и иных ошибок изготовителя. В комплексе документов Академии художеств удалось обнаружить единственный, притом самый поздний эскиз печати. Это утвержденный Комитетом министров в 1817 году и лично подписанный столичным губернатором С. К. Вязмитиновым эскиз печати для заграничных паспортов⁹ – памятник уже совершенно другой эпохи в казенной сфрагистике, из которой практически ушел фактор частного произвола. Об облике более ранних эскизов судить невозможно, но во всяком случае, применительно к комплексу Академии художеств, трудностей с их составлением закономерно не возникло, например, в 1767 году у Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, отметившего при заказе печати: «А какой оной быть, сообщается при сем тому рисунок»¹⁰. В 1784 году Выборгский обер-комендант просил о печати с гербом города «против представляемого при сем рисунка»¹¹.

В наиболее благополучном положении находились наместнические правления, в штате которых полагалось иметь технического специалиста, способного рисовать и чертить – губернского архитектора или землемера. Таковой обыкновенно оказывался

мастером на все руки. В 1789 году власти Санкт-Петербургской губернии получили губернскому землемеру подполковнику Вахмуту снять копию с герба уездного города Новой Ладуги для «зделания по тому гербу тамошним присутственным местам... печатей рисунка»¹². Интересно, что незадолго до этого (1783) тот же Вахмут составлял проекты планов застройки семи уездных городов губернии¹³.

Однако даже государственные учреждения не всегда имели под рукой служащего, способного грамотно выполнить эскиз. В таких случаях или же когда заказчика все устраивало на его прежней печати, и ее следовало лишь обновить, мастеру в качестве образца предоставлялся сургучный оттиск. Видимо, именно перенос с него геральдической информации давал мастеру наибольший простор для самобытного творчества. Например, для производства печати Новгородской обер-комендантской канцелярии некое изображение с прилагаемого образца исполнителю было предложено объединить в одну композицию «с прибавлением под гербом полной воинской арматуры»¹⁴, желательный облик которой никак не регламентировался заказчиком и, соответственно, не предполагал никакой специальной смысловой нагрузки. В 1792 году Академии была заказана печать с гербом губернского города Петрозаводска, поскольку старая печать «пришла ныне в такую ветхость, что оною и дела запечатываются с великою трудностию»¹⁵. Делать новую печать пришлось с оттиска ветхой, что, вероятно, вызвало у мастера некоторые проблемы с ее интерпретацией.

В этом отношении производство казенных печатей находилось в одних условиях с изготовлением печатей частных. Невозможно определить, как часто в их изготовлении использовался эскиз, однако мы располагаем эталонным примером — не относящимся к исследуемому комплексу документов, но тоже связанным с Академией художеств, подтверждающим, что практически нормой в этом деле было именно использование оттиска, а промежуточная стадия в виде эскиза не требовалась. В 1831 году Министерству императорского двора понадобилась печать на камне с неким княжеским гербом, который в делах не называется, но легко опознается как герб князей Урусовых. Для ее изготовления был приглашен мастер А. А. Клепиков из Академии художеств, ученик знаменитого академика П. Е. Доброхотова, аттестовавшийся как лучший после своего покойного наставника. Таким образом, уровень и возможности как заказчика, так и исполнителя были наивысшими.

Мастеру в качестве образца были предоставлены два сургучных оттиска. Качество их было неудовлетворительным, что вызвало в переписке вопрос, не следует ли достать другие. Однако оказалось, что мастеру их вполне достаточно, не нужен ему и эскиз: «В рисунке же герба надобности он не находит, ибо чрез увеличивающее стекло хорошо рассмотрел оный на слепке»¹⁶. Эскиз все же был подготовлен, но уже самим Клепиковым, поскольку тот просил разрешения «иначе расположить княжескую мантию и правильнее поставить в гербе некоторые фигуры, которые, по его мнению, нехорошо расположены»¹⁷. Благодаря этому мы имеем возможность оценить, насколько хорошо он разобрал изображение на оттиске. Даже при высочайшем профессионализме и наличии оптики мелких неточностей избежать не удалось: пропущены детали в трактовке человеческих фигур на верхних щитках, изменен разворот полумесяца на центральном щитке. Впрочем, все эти недостатки, конечно, могли присутствовать уже на той печатке, с которой были сделаны оттиски. В любом случае искажения, при всей своей незначительности, будучи зафиксированы на сфрагистическом носителе, в аналогичной

ситуации могли послужить (и, вероятно, нередко служили) отправной точкой для формирования нового извода герба. Тем более что большинству резчиков печатей, в особенности провинциальных и обслуживавших клиентов другого ранга, чаще всего приходилось жить по канонам лесковского левши: «Государь спросил: – Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление? А левша ответил: – Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши». Степень «пристрелянности глаза» мастера, таким образом, становилась весомым фактором рождения геральдических композиций на печатях.

---

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Д. 1655. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 1311. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 173. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 16. Д. 15. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 2658. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 279. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 910. Л. 1.

¹² Там же. Д. 1040. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 1310. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 789. Оп. 16. Д. 15. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 5. Д. 33. Л. 7.

¹⁷ Там же.